

УДК 94(470.6)+395(470.6)

DOI: 10.31007/2306-5826-2021-1-48-74-82

ЧЕРКЕССКИЙ ЯЗЫК В КОНТЕКСТЕ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ ИНТЕРВЕНЦИИ

Алоев Тимур Хазраилович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора средневековой и новой истории Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (ИГИ КБНЦ РАН), aloborsa@mail.ru

Единство лингвокоммуникативного пространства черкесского этноса, представленного кяхским/нижним/западным и шхагским/верхним/восточным диалектами *адыгэбзэ*, не подвергалось сомнению, по крайней мере, с эпохи Средневековья. Однако в конце Кавказской войны абсолютное большинство черкесов было депортировано в Османскую империю. С этого времени черкесское население Кавказа представлено несколькими, относительно крупными анклавами. Последующее становление современного административно-территориального деления в 20-х гг. XX в. зафиксировало эту ситуацию. В институциональном плане это выразилось в закреплении «новых» этносов: шапсугов, адыгейцев, черкесов и кабардинцев в номенклатуре народов СССР. В этот период государство приступило к внедрению двух литературных норм для населения разных черкесских анклавов. В западных анклавах учреждался «адыгейский», в восточных – «кабардино-черкесский» языки. При этом были проигнорированы как общее самосознание, наиболее ярко выражающееся в едином самоназвании («адыгэ»), так и наличие единого эндолингвонима («адыгэбзэ») всех черкесов. Следовательно, возникновение новых литературных норм было детерминировано факторами экстралингвистического характера.

В силу того обстоятельства, что реализованный в 20-х гг. прошлого века модус интервенции в черкесское лингвокультурное пространство существенно отличался от моделей большевистского нациестроительства в других регионах в предпринятом исследовании задействованы элементы компаративной оптики. Так, в тексте выявляются две парадигмы нациестроительства, которым следовала большевистская власть в 20-х гг. на иноэтнической периферии. В первом случае, предельно комплиментарные установки в отношении зачастую «рыхлых» этнических массивов объяснялись стратегическими целями внешнеполитического курса нового государства. Так, создавая советские Карелию и Бурятию, режим видел в них «витрину» и плацдарм для последующей экспансии соответственно на родственные им Финляндию и Монголию. Вторая логика препарирования этнокультурных реалий на постимперском пространстве диктовалась ограниченностью ресурсов в условиях разрухи после Гражданской войны. К примеру, осетинский и мордовский кейсы полностью укладываются в подобную рамку.

На фоне подобной фактологии черкесский случай обнаруживает явную атипичность инструментария, избранного в его отношении. Даже для большевиков, отличавшихся высоким уровнем административно-преобразовательной алертности «черкесский вопрос» оказался столь неподатлив, что они предпочли законсервировать статус-кво унаследованный от царского режима.

Ключевые слова: диалекты, язык, этнос, черкесы, эндолингвоним.

В конституциях республик на Северном Кавказе, как правило, зафиксированы языки, обладающие статусом государственных на соответствующих территориях. Так, в качестве такового в Конституции Кабардино-Балкарии, наряду с другими занесен *кабардинский* (Конституция Кабардино-Балкарской Республики. Ст. 76).

В основном законе соседней Карачаево-Черкесии аналогичным образом постулируется положение *черкесского* языка [Конституция Карачаево-Черкесской Республики от 5 марта 1996 г. Ст. 11]. Учредительный документ самой западной северокавказской республики – Адыгеи также содержит утверждение о соответствующем статусе *адыгейского* языка [Конституция Республики Адыгея. Ст. 5].

Такое положение дел можно воспринять как подтверждение декларируемых современным российским государством федералистских установлений. А в контексте столь важных документов как «Закон о государственном языке» [Федеральный закон от 01.06.2005 № 53-ФЗ (ред. От 05.05.2014) «О государственном языке Российской Федерации. Ст. 1. П. 7 и закон «О языках народов РФ» (Закон РФ от 20.10.1991 № 1807-1 (ред. От 12.03.2014) «О языках народов Российской Федерации»], призванных обеспечить этнолингвистические аспекты федерализма так и вовсе может сложиться впечатление безупречного агрегирования федералистских опций на региональном уровне. Однако впечатление гармонии буквы и духа федерализма, подразумевающего заботу о языковом разнообразии, окажется не столь убедительным, если обратиться к текстам отмеченных документов на самих упомянутых «языках». В случае с Кабардино-Балкарией на *кабардинском*, Карачаево-Черкесии – черкесском и Адыгеи, соответственно, *адыгейском*. Во всех трех случаях мы будем иметь дело с одним-единственным и общим для всех представленных под различными номинациями идиомов эндолингвонимом – названием языка самими его носителями. Он звучит как *адыгэбзэ*. Так как эквивалентом самоназвания «адыгэ» является экзоэтноним «черкес», а лексема «бзэ» в переводе на русский означает «язык», во всех трех случаях речь идет об одном и том же черкесском языке. Разумеется, и язык этот принадлежит одновременно не трем (а, с учетом черкесов черноморского побережья, занесенных в реестр малочисленных народов РФ в качестве отдельного этноса, даже четырем), как следует из содержания упомянутых республиканских конституций, а единому черкесскому этносу.

Ретроспективный взгляд на обстоятельства возникновения столь странной, и дезориентирующей ситуации позволяет говорить во многих отношениях об экстраординарном прецеденте в опыте советского (и наследующего ему современно-го российского) национально-государственного строительства и практиках языковой политики.

Чтобы проиллюстрировать данный тезис, имеет смысл предварительно составить представление об уровне и устойчивости этнического самосознания (на котором зиждется единый эндолингвоним) черкесов на протяжении многих столетий. Источники позволяют отследить его характеристики, вернее интегральный элемент с эпохи Средневековья. Так, описывая реалии XV в. генуэзец Дж. Интериано писал: «Зихи – называемые так на языках: простонародном (итальянском. – *Т.А.*), греческом и латинском, татарами и турками именуемые черкесы, сами себя называют – «адига» [Интериано Джорджио, 1974: 46]. К первой половине XVII в. относится документ, где пшышхуэ («великий князь») Большой Кабарды Шогеноко Алегуко обращает внимание на один из характерных обычаев «черкасов», к которым он относит себя [Кабардино-русские отношения: Сборник документов и материалов, 1957: 182]. Это тем более показательным, что Кабарда и составлявшие ее княжества к этому времени уже не первое столетие вели обособленную в политическом отношении жизнь. Также примечательно, что кабардинский князь рассуждает об особенностях, характерной для всего черкесского народа, как о само собой разумеющемся явлении. В этом плане довольно любопытными представляются сведения из составленного в 1727 г. в Коллегии иностранных дел «допроса» «двух человек черкесов», «которые в Крыму были в плену». Показательно, что на вопрос, «какой подлинно нации» разновременно попавшие в плен, имевшие существенную возрастную разницу, принадлежавшие к неодинаковым сословным и конфессиональным группам Тлостаноко Сулиман и Базруко Абулганом указывали,

что являются представителями «горских черкес, кабардинские земли» [Архив Внешней политики Российской империи. Ф. 115. Кабардинские дела. Оп. 115/1, 1727. Д. 1. Л. 1–6]. Такое позиционирование, наряду с прочим, демонстрировало зрелость и устойчивость этнического самосознания, не допускавшего его подмены самоидентификацией иного уровня, в данном случае, базирующейся на понятии о политико-территориальной принадлежности.

Предельная четкость этнического самосознания черкесов в этот период иллюстрируется и суждением Хатокшоко Бамата, одного из видных политических деятелей Кабарды первой половины – середины XVIII в. В ходе общения с российским представителем капитаном Барковским в июне 1747 г. он информировал собеседника: «А черкесы – общее ж слово, все живущие в Кубане по сю сторону Черного моря даже до Брагунской деревни (на крайнем юго-востоке кабардинских княжеств. – Т.А.) темиргойцы, джадуги (бжедуги. – Т.А.), джена (жанеевцы. – Т.А.), атукаи (хатукаевцы. – Т.А.) и протчия» [КРО. Т. II. М., 1957. С. 141]. Обращает на себя внимание предусмотрительная концовка сентенции князя, справедливо не ограничивавшего круг относившихся к черкесам локальных групп перечисленными единицами.

В следующем столетии, когда после заключения Адрианопольского трактата в сентябре 1829 г. у правительства России возникла насущная необходимость в адекватной информации и компетентных оценках ситуации на территориях, относительно которых Петербург получил со стороны Порты карт-бланш, был создан комитет «для устройства Закубанского края». В «журнале» этого органа, в частности, указывается: «Пространство между Малкою, или кочевьями Кабардинцев с их вассалами, и Черноморским берегом занято различными племенами, они все говорят почти одним с Кабардою наречием и суть не что иное, как отрасли многочисленного народа *Черкесскаго, который... сам себя именует Адиге* (курсив наш. – Т.А.)» [Акты, собранные Кавказскою археографическою комиссиею. Тифлис, 1878. Т. VII. С. 890]. В этом документе имеется и другое, отличающееся не меньшей однозначностью сообщение. Оно гласит: «Воинственные поколения, известные в Европе под... названием *Черкесов, а между ними самими под общим наименованием Адиге* (курсив наш. – Т.А.), занимают всю северную и западную покатости Кавказских гор, начиная от Черного моря до р. Терека...» [Акты, собранные Кавказскою археографическою комиссиею. Тифлис, 1878. Т. VII. С. 890]. Спустя несколько лет Хан-Гирей в своих «Записках...», в рубрике «наименование» предельно однозначно характеризует ситуацию с этническим самосознанием своего народа. Он пишет: «Племена, составляющие здесь описываемый народ... имеют два общих главнейших наименования: адгхе и черкесы. Первым они сами себя именуют... Второе дают им: россияне, турки, грузины и другие народы (курсив наш. – Т.А.)». Выдающийся кавказовед и археограф Адольф Берже в 1858 г., обозревая народы Кавказа, указывал на черкесов как «называющих себя Адиге» [Берже 1992: 16].

Прочное этническое самосознание закономерно обусловило четкую очерченность черкесской языковой общности. Данный аспект языковой ситуации у черкесов накануне крушения их страны и некоторое время спустя после него также исчерпывающе отражен в источниках. Так, вышеупомянутое экспертное суждение о том, что все черкесы от «черноморского берега» до Восточного Закубанья «говорят почти одним с Кабардою наречием», подтверждается как источниками российского происхождения, так и самими черкесами. Офицер Генерального штаба, служивший в Отдельном Кавказском корпусе И. Бларамберг в 1834 г. писал: «Черкессий язык полностью отличается от других известных языков; на совершенно чистом черкесском языке говорят в Большой и Малой Кабарде и в племени бесленеевцев... другие же черкесские племена, обитающие за Кубанью и вплоть до побережья Черного моря, говорят на диалектах, в большей или меньшей мере отличающихся от коренного языка» [Бларамберг, 1999: 146–147]. Примерно в это

же время бжедугский аристократ Хан-Гирей отмечал, что к *адыгэ* принадлежат люди, «говорящие одним черкесским языком, несмотря на различие наречий оно-го» [Султан Хан-Гирей, 2009: 124]. В другом месте он, детализируя и подтверждая мнение предыдущего автора, констатирует следующее. «Черкесский язык делится на два главнейших наречия, из коих первое, которым говорят кабардинцы и беслинейцы, почитается за чистейшее... Второе есть общее у всех прочих племен составляющих черкесский народ, и называется наречием **низовым**, т.е. которым говорят низовые черкесы» [Султан Хан-Гирей, 2009: 124]. Академик А.М. Шёгрэн, посетивший Кавказ в 1836–1837 гг. и предпринимавший попытки изучения некоторых языков региона, писал о «транскубанском» и «диалекте Кабарды» исключительно в рамках единого черкесского языка [Шёгрэн, 2010: 303–304]. Красноречиво и свидетельство Дж. Бэла, относящееся ко второй половине 30-х гг. XIX в. В нем отмечалось: «Местное название народа и черкесского языка – «адыге»... Этот язык употребляется на территории от восточных границ Кабарды до Черного моря» [Бэлл, 2007: 42]. Подобную картину наблюдал и К.Ф. Сталь, утверждая, что «на всем пространстве от Малой Кабарды до Черного моря господствует язык черкесский (адыге)». Вместе с тем автор признавал, что язык этот «разделяется на... наречия, удобопонятныя один для другого...» [Сталь, 1900: 114]. Представляется закономерным, что и признанные знатоки черкесского культурного контекста П. Тамбиев и Л. Лопатинский более ста лет назад фиксировали два «наречия» черкесского языка – кабардинское и кяхское. К последнему они разумно относили абадзехский и бжедугский «говоры» [Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа, 1891. Вып. XII. С. 106; Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа, 1900. Вып. XXVII. С. 1–60]. Как видим, все приведенные мнения базируются на позиции наличия, характеризовавшейся полидиалектальностью и полицентричностью единой черкесской языковой общности.

Как же стало возможным, что недавно еще столь монолитная языковая общность в настоящее время предстает в конфигурации разрозненных лингвистических единиц?

Военно-политическим и демографическим базисом, предопределившим благоприятные условия для последующей интенсивной, масштабной экстралингвистической инвазии в пространство *адыгэбзэ* стала ситуация, сложившаяся в результате Геноцида (Лъапсэрых) черкесского народа со стороны Российской империи в 1860–1864 гг. [Милютин, 2004: 475; Фадеев, 2010: 179–184; Черкесский вопрос: опыт, проблемы, перспективы научного осмысления, 2013: 151]. Тогда, на излете Кавказской войны более полумиллиона черкесов, выживших в столетнем кровопролитии, были изгнаны с Родины. Бедствие, постигшее народ, было настолько всеобъемлющим, что очевидцы злодеяния выражались в самых безысходных интонациях относительно витальности жертв Геноцида. Исследователь кавказских языков П. Услар, не видя никаких перспектив к самобытному существованию этноса сообщал как о свершившемся факте, что «черкесы, которых знали греки еще 25 веков назад, уложены на кладбище народов» [Услар, 1869: 24]. Другие всего лишь отсрочивая неизбежный финал писали, что на их глазах: «особенно быстро исчезают народцы... черкесские, которые еще в половине нынешняго столетия (XIX в. – Т.А.) считались если не миллионами, то сотнями тысяч» [Вышгород, 1895: 3]. В любом случае несомненным выступал факт того, что с «окончанием Кавказской войны... в 1864 году... от стройнаго прежде и цельнаго [черкесского] народа остались небольшие клочки, в виде этнографических островков и полосок...» [Сборник материалов по описанию местностей и племен Кавказа. Вып. XII, 1891: 1].

Однако вопреки, казалось бы, неминуемому растворению этих «островков» и «полосок» среди разрастающейся окружающей иноэтничной (преимущественно,

славяноязычной) стихии, черкесские анклав к 1917 г. вышли из фазы постгеноцидальной фрустрации и стали демонстрировать явные симптомы к витальности. Новая власть с ее широкой программой по национальному вопросу не могла проигнорировать наличие крупных черкесских анклавов в Центральном Предкавказье и на Западном Кавказе (включая черноморское побережье). Однако вместо ожидавшегося инклюзивного подхода к решению проблем черкесов режим предпочел законсервировать, фактически закрепить результаты Геноцида шестидесятилетней давности. 12 января 1922 г. Декретом ВЦИК была образована Карачаево-Черкесская автономная область [Очерки истории Карачаево-Черкесии, Т. II, 1972: 89], спустя четыре дня другое административное образование учреждено в ареале самого восточного черкесского анклава под названием Кабардино-Балкария. [Боров, Думанов, Кажаров, 1999: 51]. Следом административно-территориальному «препарированию» подвергается и западная оконечность черкесского этнолингвокультурного «архипелага». При этом обнаружилось определенные «номинативные» затруднения в реализации предначертаний «центра». Государственная система преодолевала их своеобразными бюрократическими процедурами направленной мимикрии. Имеет смысл артикулировать их алгоритм. Так, «27 июля 1922 г. Президиум ВЦИК принял постановление об образовании Черкесской (Адыгейской) автономной области». [Чирг, Денисова, Хлынина, 2002: 123]. Менее чем через месяц, 24 августа 1922 г. «во избежание недоразумений и путаницы, происходящих от смешения в разных ведомствах Карачаево-Черкесской и Черкесской (Адыгейской) автономных областей» постановлением Президиума ВЦИК область была переименована в Адыгейскую (Черкесскую) автономную область [Чирг, Денисова, Хлынина, 2002: 123]. Однако после почти шестилетнего благополучного существования автономии западных черкесов под указанным наименованием 3 августа 1928 г. в Москве было принято решение теперь уже «о переименовании Адыгейской (Черкесской) автономной области в Адыгейскую автономную область» [Чирг, Денисова, Хлынина, 2002: 123]. Если под предшествующим шестилетней давности изменением в названии автономии просматривается вполне прозрачное обоснование, то мотивация августовского «постановления» 1928 г. осталась не артикулированной. В любом случае нельзя не отметить, что такое решение изъясло из рамок легального институционального пространства важнейший интегрирующий элемент, позволявший в перспективе продвигаться к единой черкесской автономии. Здесь важен учет того обстоятельства, что по переписи 1926 г. черкесское население как Кабардино-Балкарии, так и Карачаево-Черкесии, видимо по инерции фигурировало в номенклатуре этносов СССР под единым этнонимом. Постфактум представляется, что на таком фоне «черкесская» маркированность самого западного этнического анклава народа *адыгэ* определенно подтачивала легитимность институциональной консервации положения, предписанного сверху «этнолингвогеографического» разрыва. Такая ситуация имплицитно содержала в себе потенциал для продвижения к политической интеграции, по крайней мере, трех крупнейших черкесских анклавов на Кавказе.

Таким образом, применение «априорного принудительного шаблона» этноконструирования со стороны государственной системы в отношении черкесов проявилось в их целенаправленной деконсолидации и дезинтеграции посредством игнорирования единства черкесского этноса, скрепленного прочным самосознанием и осознаваемым единством языка. Оно усугублялось стимулированием разрозненных сегментов черкесского социума, переживших Геноцид, в качестве сначала «новых» социалистических «народностей», а затем и этносов, зиждившихся на волонтаристской реификации и настойчивом институциональном поощрении партикуляризированных массивов, каждый из которых относится к «разнопорядковым формам идентификации». Так, кабардинцы – это локальное подразделение этноса. Наименование «черкесы» в рамках легитимированной государством

этнической номенклатуры применяется только к тем же кабардинцам и небольшому числу бесленеевцев, проживающих в Карачаево-Черкесии, тогда как оно исторически является экзоэтнонимом всех *адыгэ*. Отдельного разъяснения требует возникновение номинации «адыгейцы» и его закрепление в институциональном пространстве. Уже в текстах XIX в. отражается стремление русских авторов отразить аутентичное звучание самоназвания черкесов. Практическая транскрипция *адыгэ* стало фиксироваться как адыге. Отсюда и прилагательное адыгейский, которое вплоть до 1920-х гг. выступало как синоним слова черкесский. Однако принципиально важно подчеркнуть, что в течение всего предыдущего периода номинация «адыгейцы», будучи синонимом наименования «черкесы», охватывала (а зачастую, в первую очередь, подразумевала) и кабардинцев. Проиллюстрируем этот тезис некоторыми примерами. В «Путеводителе по Кавказу» 1874 г. отмечается следующее: «Кабардинцы принадлежат к черкесскому племени адиге, живущему от Терека до Черного моря, по северному склону гор и по плоскости, лежащей на продолжении этого склона – нынешнему Закубанью. Несмотря на то, что адигейцы разделились на множество колен, они, все-таки, составляли самый сильный народ из всех племен Северного Кавказа, а кабардинцы между всеми адиге занимают первое место» [Владыкин. Ч. II, 1885: 158]. Во введении к своей работе по антропологии Я.Д. Вышгород писал: «...летом 1894 года я производил антропологические наблюдения над кабардинцами, самым видным – количественно и качественно – представителем адыгейского или черкесского племени» [Вышгород, 1895: 3]. Однако с началом большевистского национально-государственного строительства номинация «адыгейцы» в рамках властного дискурса была отчуждена от наиболее демографически мощного и географически обширного массива этноса, тем самым радикально деформировав ее семантику. Это обстоятельство послужило базой для институциональной дезинтеграции единого языкового пространства. Заимствуя терминологию, предложенную К. Штейнке, такую операцию можно характеризовать как плоттотомию, т.е. рассечение языка. [Штейнке, Кн. I, 2006: 255].

Такая фактология позволяет говорить о нестандартности институционального инструментария, задействованного государственной системой в сфере национально-государственного строительства и практик языковой политики. В самом деле, довольно известный и во многих отношениях справедливый тезис Т. Мартина о том, что Советский Союз будучи первой в мире империей положительной деятельности («affirmative action») проводил политику систематического содействия «развитию национального сознания этнических меньшинств» [Воронович, 2012. № 1. URL: <http://magazines.russ.ru/oz/2012/1/v42.html> (дата обращения: 24.02.2017 г.)]. не соотносится с реализованной в отношении черкесов стратегией. Атипичность «методы» применявшейся государственной системой в отношении черкесов в ходе осуществлявшейся программы национально-государственного строительства, явственно предстает в контексте основных установок, которым следовали большевики. В 1920-х гг. установившийся в России новый режим, насколько можно судить, проповедовал две парадигмы «национально-культурного строительства» на иноэтнической периферии. В первом случае большевики могли демонстрировать широкий спектр предпочтений от институционального конституирования достаточно рыхлых этнических единиц в качестве высоко консолидированного народа, доводить до реализации поступающие «снизу» важные инициативы культурного характера или же щедро наделять новообразованные политические агрегации обширными территориями (зачастую населенные другими этносами). На такое отношение можно было рассчитывать, если ареал расселения того или иного народа располагался на рубежах государства, а на противоположной стороне границы проживало этнически родственное ему население, т.е. просматривались предпосылки для реализации «пьемонтского принципа». Подобная модель в известной степени была реализована в Карелии и Бурятии. Относительно последних, к примеру, существует взгляд, что создание

национальной автономии «с самого начала рассматривалось большевиками (как на центральном, так и на локальном уровне) в контексте разрешения стратегических целей внешнеполитического курса советского правительства» [Варнавский, 2011: 278–279].

В этой связи примечательно, что когда «русские» губернии оспаривали включение в новообразованную Бурят-Монгольскую АССР «своих» территорий, Москва неизменно брала сторону последних [Елаев, 2000: 160–162, 167–169]. Ключевым фактором, обусловившим такую ситуацию, выступала коминтерновская доктрина, предполагавшая мировую революцию «в сопредельных странах Центральной Азии и роли Буреспублики как «форпоста социализма» на «Буддийском Востоке»» [Елаев, 2000: 160–162, 167–169]. На другом конце большевистского государства проводилась чрезвычайно схожая политика. Речь идет о форсированном создании в приграничье с Финляндией на базе этнически, лингвистически и территориально разобщенных близкородственных финнам этнических анклавов единой Карелии [Такала URL: <http://nbsr.petrso.ru/journal/article.php?id=462> (дата обращения: 24.02.2017 г.)]. Разумеется, советское руководство рассматривало ее в качестве «витрины» и одновременно плацдарма, ориентированного на западных соседей.

Реализация второй модели большевистского нацистроительства, насколько можно судить, диктовалась более тривиальными соображениями. По-видимому, крайняя ограниченность ресурсов в условиях разрухи после гражданской войны подталкивала большевиков к идее о необходимости максимальной экономии на административном аппарате создаваемых национальных образований. В качестве примера можно обратиться к мордовскому и осетинскому кейсам. Исследователи констатируют, что у эрзи и мокши отдельные языки и отсутствует общее самоназвание в рамках функционирующих у них идиомов, «а этноним «мордва» используется лишь в тех случаях, когда языком общения служит русский» [Крюков, 1988. Вып. XVIII]. Но эти обстоятельства были проигнорированы государственной системой и в итоге была создана единая Мордовия.

Любопытная ситуация наблюдается и у соседей черкесов. О том, как она выглядела накануне старта большевистского этноконструирования можно составить определенное представление, обратившись к некоторым дореволюционным публикациям. В одном из них указывается: «Дигорцы – одно из мелких туземных племен Северного Кавказа; они отчасти родственны осетинам, с которыми имеют много общих народных характерных черт; резкая разница между теми и другими заключается только в наречиях, которые, хотя и имеют много слов одних и тех же корней, но все-таки, ни дигорец осетина, ни осетин дигорца, объясняясь каждый на своем языке, понимать не могут» [Статья В.Х., 1981: 236] На этом фоне сложившееся у определенной части ираноязычного населения кавказских гор мнение о том, что «дигорцы это наши малороссы» [Газета «Кавказ» № 31, 1865: 170] звучало как вердикт. И все-же отсутствие общего самоназвания, которое выступает ядром единого самосознания и лингвистической гомогенности, не помешали образованию единой осетинской автономии на северных склонах Центрального Кавказа.

Представленная картина большевистского нацистроительства показывает, что черкесы не попали под действие ни одной из двух основных стратегий, реализовавшихся в национальных регионах. Можно полагать, что столкнувшись с «черкесским вопросом», с его нестандартным комплексом проблем (относительно недавний травматический опыт тотальной трагедии, наличие самой большой по удельному весу в населении диаспоры среди этнических групп бывшей империи, стратегическая важность их этнической территории и т.д.), отличавшееся в иных случаях высокой степенью административно-преобразовательной «алертности» партийное руководство предпочло институционально зафиксировать доставшийся им в наследство статус-кво.

Источники и литература

1. Акты, собранные Кавказскою археографическою комиссиею. Тифлис, 1878. Т. VII.
2. Архив Внешней политики Российской империи. Ф. 115. Кабардинские дела. Оп. 115/1, 1727. Д. 1. Л. 1–6.
3. *Берже Ад.* Краткий обзор горских племен на Кавказе. Нальчик: Эльбрус, 1992. 48 с.
4. *Бларамберг И.* Историческое, топографическое, статистическое, этнографическое и военное описание Кавказа. Нальчик: Эль-фа, 1999. 403 с.
5. *Боров А.Х., Думанов Х.М., Кажаров В.Х.* Современная государственность Кабардино-Балкарии: истоки, пути становления, проблемы. Нальчик: Эль-фа, 1999. 182 с.
6. *Бэлл Дж.* Дневник пребывания в Черкесии в течение 1837–1839 годов: В 2 т. / пер. с англ. К.А. Мальбахов. Нальчик: Эль-Фа, 2007. Т. II. 326 с.
7. *Варнавский П.* Границы советской бурятской нации: «национально-культурное строительство» в Бурятии в 1926–1929 годах в проектах национальной интеллигенции и национал-большевиков // Изобретение империи: языки и практики. М.: Новое изд-во, 2011. С. 263–292.
8. *Воронович А.* Большевизм и национальный вопрос – от теории к практике // Отечественные записки. 2012. № 1. URL: <http://magazines.russ.ru/oz/2012/1/v42.html> (Дата обращения: 24.02.2017 г.).
9. *Высогород Я.Д.* Материалы для антропологии кабардинского народа (адыге). Санкт-Петербург: тип. А.М. Менделевича, 1895. 95 с.
10. Газета «Кавказ», 1865. № 31 // Периодическая печать Кавказа об Осетии и осетинах. С. 170.
11. *Елаев А.А.* Бурятский народ: становление, развитие, самоопределение. М.: Рос. акад. гос. службы при Президенте Рос. Федерации, 2000. 349 с.
12. Закон РФ от 25.10.1991 № 1807-1 (ред. От 12.03.2014) «О языках народов Российской Федерации» (http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_15524/).
13. *Интериано Джорджио.* Быт и страна Зихов, именуемых черкесами. Достопримечательное повествование // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. / сост., редакция переводов, введение и вступительные статьи к текстам В.К. Гарданова. Нальчик: Эльбрус, 1974. С. 43–52.
14. Кабардино-русские отношения: Сборник документов и материалов: В 2 т. Т. I. М.: АН. СССР, 1957.
15. Конституция Кабардино-Балкарской Республики. (ст. 76).
16. Конституция Карачаево-Черкесской Республики от 5 марта 1996 г. (с изменениями и дополнениями) (http://constitution.garant.ru/region/cons_karach/chapter/7/) (ст. 11).
17. Конституция Республики Адыгея (принята на XVI сессии Законодательного Собрания (Хасэ) – Парламента Республики Адыгея 10 марта 1995 года) (с изменениями и дополнениями) (http://constitution.garant.ru/region/cons_adig/chapter/1/#block_100) (ст. 5).
18. *Крюков М.В.* Этнос и субэтнос // Расы и народы. Современные этнические и расовые проблемы. М.: Наука, 1988. Вып. XVIII. С. 5–22.
19. *Милютин Д.А.* Воспоминания. 1856–1860. М.: «РОССПЭН», 2004. 560 с.
20. *Михаил Владыкин.* Путеводитель и собеседник в путешествии по Кавказу. М.: тип. И. Родзевича и В. Исленьева, 1874. 518 с.
21. Основоположник российского кавказоведения академик Андрей Михайлович Шёгрен: Исследование. Тексты. М.: ИМЛИ РАН, 2010. 948 с.
22. Очерки истории Карачаево-Черкесии. В 2 т. Т. II. Черкесск: Карачаево-Черкесское отд. Ставр. кн. изд-во, 1972. 448 с.
23. Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1891. Вып. XII.
24. Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1900. Вып. XXVII.
25. *Сталь К.Ф.* Этнографический очерк черкесского народа // Кавказский сборник. Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых, 2014. С. 332–399.
26. Статья В.Х. Кое-что о дигорцах // Периодическая печать Кавказа об Осетии и осетинах / сост. Л.А. Чибиров. Цхинвали, 1981. С. 236–240.
27. *Султан Хан-Гирей.* Избранные труды и документы. Майкоп: ОАО «Полиграф-ЮГ», 2009. 672 с.

28. *Такала И.Р.* «Граница на замке!». Особенности государственного террора в карельском приграничье 1920-х – первой половины 1930-х гг. URL: <http://nbsr.petrus.ru/journal/article.php?id=462> (дата обращения: 24.02.2017 г.).

29. *Услар П.К.* Начало христианства в Закавказье // Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. II. Тифлис: Издание Кавказского горского управления, 1869. С. 1–24.

30. *Фадеев Р.А.* Государственный порядок. Россия и Кавказ. М.: Ин-т рус. цивилизации, 2010. 986. с.

31. Федеральный закон от 01.06.2005 №53-ФЗ (ред. От 05.05.2014) «О государственном языке Российской Федерации (http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_53749/22277adf3d159ebc071d2a7316137339be4b13b3/) (ст. 1. П. 7).

32. Черкесский вопрос: опыт, проблемы, перспективы научного осмысления. Материалы круглого стола. Нальчик: Тетраграф, 2013. 151 с.

33. *Чирг А.Ю., Денисова Н.Н., Хлынина Т.П.* Государственность Адыгеи: этапы становления и развития. Майкоп: Качество, 2002. 163 с.

34. *Штейнке К.* Глобализация – регионализация и лингвистика // Глобализация – этнизация: этнокультурные и этноязыковые процессы. М.: «Наука», 2006. Кн. I. С. 249–258.

CIRCASSIAN LANGUAGE IN THE CONTEXT OF INSTITUTIONAL INTERVENTION

Aloev Timur Hazrailovich, Candidate of History, Senior Researcher of the Department of Medieval and Modern History of the Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences» (IHR KBSC RAS), aloborsa@mail.ru

The unity of lingvokommunity space of the Circassian ethnos presented with kjachian/lower/ western and Kabardian/top/east wasn't called by dialects of the Adyghe language in question, at least, since the Middle Ages era. However at the end of the Caucasian war the vast majority of Circassians has been deported to the Ottoman Empire. From now on the Circassian population of the Caucasus is presented by several, rather large enclaves. The subsequent adoption of modern administrative-territorial division in the 20th of the XX-th century has fixed this situation. In the institutional plan it was expressed in fixing of «new» ethnoses: Shapsugs, Adyghes, Circassians and Kabardians in the nomenclature of the people of the USSR. During this period the state has started introduction of two literary norms for the population of different Circassian enclaves. In the western enclaves «was established» adygei, in east – kabard-circassian languages. At the same time have been ignored as the general consciousness which is most brightly expressed in the uniform self-name («adyge») and existence of a uniform endolinguoim («adygebze») of all Circassians. Therefore, emergence of new literary norms has been determined by factors of extralinguistic character. Due to the fact that implemented in the 20-ies of the past century the mode of intervention in the Circassian linguistic cultural space was significantly different from the models of Bolshevik nation building in the other regions. In the undertaken research, the elements of comparative optics are involved. Thus, the text reveals two paradigms of nation-building, followed by Bolshevik power in the 1920s on the other-ethnic periphery. In the first case, the extremely complimentary attitudes towards the mostly «loose» ethnic massifs were explained by the strategic goals of the foreign policy of the new state. Thus, by creating Soviet Karelia and Buryatia, the regime saw a «shop window» in them and a springboard for subsequent expansion respectively to Finland and Mongolia, which are related to them. The second logic of the preparation of ethno-cultural realities in the post-imperial space was dictated by limited resources in the conditions of devastation after the Civil War. For example, the Ossetian and Mordovian cases fully fit into such a frame. Against the background of a similar factology, the Circassian case reveals a clear atypism in the tools chosen for it. Even for the Bolsheviks, who were distinguished by a high level of administrative-transformative alertness, the «Circassian question» proved to be so stubborn that they preferred to preserve the status quo they inherited from the royal regime.

Keywords: dialects, language, ethnos, Circassians, endolinguoim.

DOI: 10.31007/2306-5826-2021-1-48-74-82